

На больничной койке послышалось шуршание — Шестой господин наконец пришёл в себя. Все внимание мгновенно переключилось на него.

Цзян Вэйхун обвёл комнату мутным, непонимающим взглядом. Нахмурившись, он медленно сел и принялся тереть заспанные глаза. Вид неожиданных гостей в палате его явно озадачил.

Хаожэнь, не теряя ни секунды, скомандовал:

— Раз проснулся, живо поднимайся и иди приводи себя в порядок.

С этими словами он бесцеремонно откинул одеяло, буквально выпроваживая Шестого господина с постели. Если честно, Хаожэню сейчас больше всего на свете хотелось огреть Шестого господина чем-нибудь тяжелым, но главной целью было поскорее спровадить гостей.

Повернувшись к Уильяму, он изобразил на лице крайнюю степень неловкости:

— Извини, мне теперь придётся с ним возиться, так что...

— Ничего страшного, — Уильям мягко прервал его. Улыбка на его лице была безупречной. — Занимайся делом, я подожду.

Он преспокойно уселся обратно на диван, всем своим видом показывая, что уходить в ближайшее время не намерен. Хаожэнь замер, не зная, что и предпринять. А-Гуй, видя, как этот тип нагло обосновался в палате, лишь внутренне усмехнулся и тоже остался на месте.

Хаожэнь метался между двух огней. Он не решался пойти за Шестым господином в ванную: стоило ему оставить А-Гуя наедине с Уильямом, как те наверняка вцепились бы друг другу в глотки. Уильям только казался покладистым, на деле же он был человеком опасным. Если Ся Чжигуй его заденет, проблем потом не оберешься.

Пока Хаожэнь терзался сомнениями, Шестой господин внезапно схватил его за руку. Хаожэнь вскрикнул и отшатнулся, будто его ударило током. Эта чересчур бурная реакция заставила всех присутствующих вздрогнуть.

Повисла тягостная тишина. Хаожэнь, чувствуя на себе недоуменные взгляды, неловко кашлянул и прошипел Шестому:

— Чего стоишь? Иди уже, Шестой господин!

А-Гуй подозрительно прищурился, глядя на Шестого господина, но на лице того не отразилось ни тени понимания. Тогда Ся Чжигуй перевёл взгляд на Хаожэня:

— Что между вами происходит?

— Да что может происходить? — Хаожэнь старался звучать как можно обыденнее.

Шестой господин лишь фыркнул и нехотя поплёлся в ванную. То, что Хаожэнь даже не двинулся следом, немало удивило Уильяма.

Минут через десять дверь ванной приоткрылась, и оттуда высунулась голова Шестого господина:

— А полотенце где?

Хаожэнь замер, затем, коротко глянув на притихших гостей, всё же поднялся и пошёл в ванную комнату. Первое, что он увидел, войдя внутрь, — чистейшее полотенце, небрежно брошенное прямо возле раковины.

Гнев закипел в нём с новой силой. Хаожэнь уже развернулся, чтобы уйти, но Шестой господин быстро захлопнул дверь, преграждая путь.

— Ты что, опять издеваться вздумал?! — яростно прошептал Хаожэнь.

Он попытался оттолкнуть его, но тот крепко перехватил его за плечи и прижал к своей груди. Хаожэнь весь напрягся, сердце забило в самом горле.

— Тебе не кажется, — вкрадчиво произнёс Шестой, — что сейчас ты должен уделять внимание только мне?

Хаожэнь оторопел. Вэйхун тем временем всунул ему в руки полотенце и выжидательно замер рядом. Хаожэнь смотрел на него и просто не находил слов — до чего же этот человек был непредсказуем. После всего, что случилось прошлой ночью, он ведёт себя так, будто ничего не произошло, и требует привычной заботы.

Хаожэнь швырнул полотенце ему в лицо и выскочил из ванной.

Вэйхун, получив такой «подарок», на мгновение опешил. Глядя вслед разъярённому Хаожэню, он лишь недовольно нахмурился. На самом деле Шестой вовсе не собирался над ним измываться — он просто не хотел, чтобы Хаожэнь лез в те мутные воды, что забурлили сейчас между Уильямом и А-Гуем.

Когда Хаожэнь, пылая от негодования, вернулся в палату, его лицо моментально преобразилось при виде сидящей парочки. Он изо всех сил постарался подавить ярость.

Но тут из ванной снова донёлся голос Шестого:

— Это не моё полотенце!

Хаожэнь обернулся и наградил его испепеляющим взглядом. Вэйхун же, включив режим «дурачка», брезгливо вертел в руках белую ткань:

— На моём должны быть мультяшки!

Хаожэнь чувствовал, как внутри всё клокочет. Он решительно шагнул к Уильяму и протянул руку:

— Одолжи ручку.

Уильям на миг замешкался. Откуда тот знает о его привычке всегда носить с собой ручку? Видя, что Хаожэнь мечет молнии, Уильям послушно выудил из внутреннего кармана пиджака дорогую золотую перьевую ручку.

Хаожэнь расправил полотенце и размашисто нарисовал на нём кособоковую, жутко уродливую черепаху. После чего запихнул ткань обратно в руки Шестому:

— Вот тебе мультяшка! Доволен? А теперь живо умываться!

Такая вспышка гнева озадачила всех присутствующих. Шестой лишь презрительно фыркнул — и вовсе не потому, что полотенце теперь было в чернилах, а потому, что черепаха вышла донельзя корявой.

Хаожэнь, видя, что Шестой господин и не думает подчиняться, просто затолкнул его обратно в ванную и захлопнул дверь.

Наблюдая за этой сценой, Уильям не сдержал смешка. Убрав ручку обратно в карман, он взглянул на А-Гуя, который всё это время хранил молчание:

— Надо же, и ты в больницу загремел.

— Угу, — А-Гуй нарочито небрежно бросил: — Да так, не удержались на ногах и вместе с Хаожэнем знатно приложились прямо у бассейна.

Улыбка на лице Уильяма чуть померкла. Он несколько секунд смаковал эту двусмысленную фразу, а когда Хаожэнь снова показался в дверях, Уильям поднялся.

— Мне пора, дела не ждут, — мягко произнёс он.

Хаожэнь удивился: только что Уильям никуда не торопился, а теперь вдруг сорвался с места. Впрочем, удерживать его он не собирался.

— Хорошо.

А-Гуй сидел с самым невозмутимым видом. Хаожэнь мысленно выдохнул: похоже, обошлось без скандала.

Телохранитель распахнул перед Уильямом дверь. На пороге тот внезапно обернулся и бросил на Ся Чжигуя короткий взгляд. А-Гуй уже праздновал победу, уверенный, что его намек выставил Уильяма за дверь, но, встретившись с ним глазами, он помрачнел. В этом прищуре и тонкой усмешке Уильяма сквозила неприкрытая насмешка над его детской выходкой.

Как только Уильям ушёл, А-Гуй взорвался:

— Ты же прекрасно знаешь, что у него на уме! Зачем ты вообще с ним водишься?

Хаожэнь опешил. В голосе А-Гуя звучало столько обвинения, будто он сам в чём-то виноват. Настроение Хаожэня и так было на нуле, а теперь к горечи добавилась глухая злость. Не говоря ни слова, он подошёл к двери и распахнул её, всем своим видом показывая гостю на выход.

А-Гуй разозлился не на шутку. Он ведь просто заботился о нём, а в ответ получил такую холодность! Развернув инвалидное кресло, он уже собирался уехать, как вдруг за спиной раздался восторженный голос Шестого:

— Какая красивая штучка!

А-Гуй замер и обернулся. В руках Шестого сверкала та самая золотая ручка Уильяма. Лицо А-Гуя мгновенно перекосилось. Он же своими глазами видел, как Уильям убрал её в карман! А теперь она вдруг оказалась здесь.

До А-Гуя мгновенно дошло: Уильям оставил её нарочно. Этот лис оказался куда хитрее, чем он думал.